

УДК 821.511.111

Д. Е. Колесников

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА А. КИВИ «СЕМЕРО БРАТЬЕВ»

КОЛЕСНИКОВ Дмитрий Евгеньевич – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: writer1984@list.ru.

В статье анализируются художественные особенности первого финноязычного романа – романа А. Киви «Семеро братьев». В работе рассматриваются путь романа к читателю и отношение к нему консервативной финской литературной критики XIX века. В завершение статьи отмечается роль романа в истории финской литературы.

РОМАН; ФОЛЬКЛОР; ФОЛЬКЛОРНАЯ ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ; РОМАНТИЗМ; РЕАЛИЗМ; НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИННОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА; ФИНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИДЕНТИТЕТ.

Алексис Киви (1834–1872) является первым профессиональным писателем Финляндии [1, с. 296]. Его художественное наследие включает 11 пьес, из которых наибольшую известность получили романтическая трагедия «Куллерво» на героический сюжет из «Калевалы» и две комедии о современной автору народной жизни – «Сапожники Нууми» и «Помолвка», а также сборник стихотворений и роман «Семеро братьев».

Роман А. Киви «Семеро братьев» был опубликован в 1870 г. Киви писал свой роман около 10 лет, по сути, в течение всей своей литературной деятельности. Брат писателя вспоминал, что ещё в начале 1860-х гг. ему доводилось слышать от А. Киви отдельные диалоги из будущего романа

[1, с. 332]. Один из близких знакомых писателя, А.Т. Форссель, указывал в своих воспоминаниях, что первоначально произведение Киви представляло собой не роман, а пьесу [1, с. 332]. Это свидетельство кажется весьма правдоподобным: ведь и в опубликованном (и единственно дошедшем до нас) варианте «Семерых братьев» имеется множество элементов драматургической композиции. Более половины текста произведения составляют диалоги, что дало повод М. Горькому назвать книгу А. Киви «повестью в диалогах» [2, с. 406].

Остановившись на повествовательном жанре, Киви в одном из писем 1864 г. сообщает, что пишет именно роман и намерен опубликовать его в периодическом издании [1, с. 332]. Два года спустя, когда вышел сборник стихов писателя, на его обложке было напечатано объявление о подписке на «юмористическое повествование о жизни семерых братьев в лесах Хяме» [1, с. 332] объёмом в 300 страниц. Однако сборник стихов раскупался плохо, и надежд на то, что подписка на новую книгу пройдёт успешно, было мало. Видимо, опасаясь материальных убытков, Киви оставил мысль об издании романа на свои средства, как это было со сборником стихов. И поскольку Общество финской литературы объявило о своём намерении издать серию романов на финском языке, Киви ухватился за эту возможность и решил предложить «Семерых братьев».

В ноябре 1869 г. комиссия Общества финской литературы представила отзыв о романе, рекомендуя его к печати. Роман появился 4 выпусками, последний из которых был вручен подписчикам в мае 1870 г.

Роман Алексиса Киви посвящён приключениям семерых братьев, которые, будучи недовольными порядками, господствовавшими в современном им финском обществе, попытались бросить им вызов, уйдя жить из родной усадьбы Юкола в глухие леса. В начале книги братья предстают наивными детьми природы, не затронутыми цивилизацией. С самого детства они были предоставлены самим себе: их отец погиб во время охоты, когда они были ещё совсем маленькими; свою мать они не слушались. Главным их учителем являлся слепой дядюшка, который в молодости был моряком и побывал во многих странах мира; он любил рассказывать им разные необычные истории из своей жизни. Самой важной ценностью для них была свобода.

Когда братья выросли, а мать с дядюшкой умерли, перед героями «Семерых братьев» встала необходимость поднимать хозяйство Юкола, обучаться грамоте, жениться и втягиваться во взрослую жизнь. Им пришлось столкнуться со всей враждебностью окружающего мира. Так, Венла – девушка, в которую были влюблены сразу несколько братьев – отвергла их всех из-за того, что они не были обучены грамоте. Учиться же грамоте у братьев не получалось, за исключением младшего, Ээро. Кантор, к которому братья отправились учиться, обучал их грамоте крайне суровыми методами. Однажды, во время одного из занятий, он запер братьев в комнате, где велел им оставаться до тех пор, пока они не освоят урок, однако братья убежали из его дома через окно. После этого с них пытались взять штраф за разбитое окно и преследовали за проявленное ими неуважение к духовному лицу. Кроме того, у братьев постоянно возникали ссоры и драки с соседями – братьями из деревни Тоукола, а также конфликты с «Раямякским полком» – «бродячей семьей, родом из маленькой избышки на поляне Раямяки» [3, с. 65]. В результате, чаша их терпения переполнилась, и они решили покинуть родную усадьбу. Они ушли в лес и построили там избу близ холма Импиваара.

В лесу братья пережили немало приключений. В конце концов, обстоятельства заставили их оставить задуманную первоначально вольную охотничью жизнь и заняться хозяйством уже в новой усадьбе Импиваара. Спустя десять лет они вернулись в родную усадьбу Юкола и окончательно отошли от своих бунтарских взглядов. Так, старший брат Юхани из буяна и богохульника превратился в примерного семьянина и набожного человека. Другой брат – Аапо – возвысился до судебного заседателя и содействовал своими речами примирению соседей. Однако наиболее глубокие изменения претерпел образ Ээро, в котором пробудились общественные интересы. В частности, ленсман¹ доверил ему приход в губернском городе, полагаясь на его познания и деловитость. Благодаря «благородным» и «неутомимым» стараниям Ээро «в приходе была построена народная школа, одна из первых в Суоми» [3, с. 369]. Ээро стал своего рода ходатаем для крестьян и писал для них прошения. Для себя он

¹ *Ленсман* — исполнительный полицейский чин в сельских местностях Финляндии, Норвегии и Швеции, аналогичный по положению становому приставу в дореволюционной России.

выписывал газету и отправлял в неё заметки по различным общественным вопросам. Эти занятия, как отмечает автор романа, «расширили его представление о жизни и мире» [3, с. 369]. «Родина уже не была для него неопределённой частицей определённого мира, без малейшего представления, где она и какая. Он знал теперь, где находится эта страна, этот дорогой сердцу уголок земли, где живёт, творит и борется народ Суоми и где покоятся кости его предков. Он знал её границы, её моря и таинственно улыбающиеся озёра, её поросшие соснами горные кряжи, которые частоколами бегут вдаль. Весь облик нашей родины, её ласковый материнский взгляд навсегда запечатлелись в его сердце. И всё это родило в нём страстное желание трудиться на благо и счастье нашей страны» [3, с. 369], – так раскрывает эволюцию образа Ээро А. Киви в своём романе. Таким образом, к концу произведения младший из семерых братьев начинает уже мыслить общенациональными категориями и масштабами, и в нём начинает развиваться современное ему гражданское сознание. По справедливому замечанию Э.Г. Карху, «в образе Ээро, в той эволюции, которую он претерпевает в романе, очень ярко запечатлена эволюция народного сознания в изменившихся исторических условиях» [1, с. 343–344].

Немаловажно отметить и то, что к концу романа не только братья начинают идти на уступки внешнему миру, но и сам внешний мир перестаёт быть столь враждебным по отношению к ним, как в начале книги. Так, кантор, при помощи которого братья помирились со своими соседями из деревни Тоукола и «полком Раямяки», попросил братьев простить ему его прежнюю строгость по отношению к ним, а некогда строптивая Венла согласилась выйти замуж за Юхани. Примечательно, что именно убедившись в добром отношении к ним ленсмана, братья решили пойти на примирение с окружающим миром и оставить присущее им бунтарство.

Роман А. Киви «Семеро братьев» имеет ряд любопытных художественных особенностей. Как справедливо отмечает Т. Сильман, «роман "Семеро братьев"... не является типичным романом» [4, с. 5]. «По своему внутреннему содержанию, – поясняет свою мысль исследователь, – это скорее громадная, непомерно разросшаяся сказка, в центре которой стоят семь братьев-богатырей (число символическое и для сказки весьма характерное)» [4, с. 5]. Литературовед Э.Г. Карху полагал, что

произведение Киви «в жанровом отношении» имеет сходство с «Легендой об Уленшпигеле» Шарля де Костера, так как в романе де Костера «тоже многое идёт от фольклора, и реализм его, как и реализм романа Киви, по ряду признаков близок реализму Возрождения» [1, с. 333].

Традиционно-фольклорным в романе Киви является уже число героев: семь. На часто встречающееся в творчестве Киви число семь обратил внимание финский исследователь А. Киннунен в работе «Огонь, солнце и семеро братьев: исследование романа Алексиса Киви» [5, с. 26–32]. По замечанию Э.Г. Карху, «семеро братьев обладают индивидуальными характерами, но в то же время они образуют семейно-родовой коллектив, выступают в роли коллективного героя, и это тоже напоминает о фольклорной традиции» [1, с. 333]. Нельзя не согласиться с точкой зрения литературоведа, что «элемент фольклорного повествования есть в самой повествовательной интонации романа» [1, с. 333], и «уже в описании внешнего вида героев проявляется фольклорное начало, момент *фольклорной гиперболизации* (курсив мой. – Д.К.)» [1, с. 333]. Данный момент проявляется уже в описании внешности героев. «Все братья крепки, плечисты и рослы, кроме, пожалуй, Эро, который пока что маловат» [3, с. 12], – пишет А. Киви в начале произведения. Родители братьев, судя по описаниям, также имели богатырское сложение и здоровье. Так, вспоминая о покойной матери, Юхани говорит: «Вовек не забуду, как она шагала за сохой, дюжая, точно великанша» [3, с. 51]. Под стать матери братьев был и их отец – «храбрый человек, уложивший на своём веку более пятидесяти медведей» [3, с. 12] и погибший «в лучшую пору своей жизни» в схватке с одним из них. Нельзя не согласиться с Э.Г. Карху, что «гиперболизация пронизывает весь стиль повествования» романа, «придавая значительность и героям, и их вещественному окружению», и «часто автор, описывая предмет, уже сам по себе внушительный, наделяет его ещё большей масштабностью посредством сравнения» [1, с. 333]. Так, рассказывая об убитом медведе, старик Матти Трут – единственный друг братьев в лесах Импиваары – восклицает: «Здоровенный был зверюга! Когда его подвесили на жердь, в избе стало темно, точно от грозовой тучи на небе» [3, с. 174], а замеченный охотниками «дьявольски большой волк», согласно его рассказам,

«заметался, будто гороховое поле на ветру» [3, с. 170].

Эпический размах заложен в самих характерах героев романа Киви. Словно дети, они ни в чём не знают меры – ни в желаниях, ни в поступках. Вырвавшись на волю из дома кантора, таскавшего их за волосы за то, что они нерадиво учились, братья располагаются на первом пригорке и обедают «по-царски» [3, с. 62], как говорит Юхани, «прямо как господа на сейме» [3, с. 62], по выражению другого брата Тимо. На рождественский же сочельник братья устраивают роскошный пир – и себе, и домашним животным. Тимо поливает пивом овёс для лошади, а Юхани угощает мясом собак и кота, которых братья взяли с собой, отправляясь из родной усадьбы Юкола в леса Импиваары. Своего апогея чревоугодие братьев достигает в тех эпизодах, когда трое из них на пари съедают по десять фунтов говядины, а набожный Симеони пропивает в городе Хяменлинна целый воз товара, продав который он и младший брат Ээро должны были привезти праздничное угощение для всех.

В то же время, когда братьев посещает желание трудиться, они работают, не покладая рук, от зари до зари. Они быстро рубят новую избу на поляне Импиваара взамен сгоревшей из-за их шалости, за пять дней расчищают огромную подсеку на склоне холма, подобную которой никогда не видывали люди, а после работы отсыпаются в избушке «три дня и три ночи» [3, с. 245]. И спать они умеют так, что от их богатырского храпа «содрогается... гулкая поляна» [3, с. 224].

Герои романа необычайно бурно изливают свои чувства – восторг и отчаяние, любовь и ненависть. Они быстро ссорятся и затевают драки, но столь же быстро забывают свои обиды и неприятности. В этом отношении показателен эпизод произведения, когда братья, прибежав босиком из сгоревшей в морозную рождественскую ночь избы Импиваары в родную Юколу, к кожевнику и его жене, которым они сдали в аренду своё хозяйство перед уходом в леса, разглядывают свои обмороженные ноги и взывают к жалости хозяев. Кажется, их стенаниям и отчаянию не будет предела. Однако сразу после жалоб Юхани говорит: «Пусть-ка только наступит лето, и на поляне Импиваара будет новая изба, получше прежней» [3, с. 164]. Ему вторит и Туомас: «Как только сойдёт снег – и

застучат топоры, и загрохочут лес и горы. Уж тогда братьям Юкола не придётся проситься на ночлег к чужим людям» [3, с. 164].

По мнению Т. Сильман, «каждый из семи братьев олицетворяет собой какую-нибудь одну черту человеческого характера: Юхани – первичную стихийную полноту природной жизни, Туомас – грубую физическую силу, Аапо – трезвый ум, Симеони – религиозное смирение, Тимо – туповатую хитрость и расчётливость, Лаури – поэтическую мечтательность, Эро – ироническую насмешливость, острый ум» [4, с. 6]. Интересно также замечание исследователя относительно композиции рассматриваемого произведения: «Роман строится как серия фрагментов-эпизодов, в которых драматически оформленный диалог перемежается с прозаическими вставками. Каждый такой обширный фрагмент посвящён какому-нибудь очередному приключению братьев – построение, даже внешне напоминающее отдельные песни героического эпоса» [4, с. 5]. В духе героического эпоса выдержаны и некоторые сцены романа, такие как, например, сцена кровавого уничтожения братьями 33 быков из охотничьих ружей с камня Хийси, куда братья забрались, убегая от разъярённого стада.

Любопытной художественной особенностью «Семерых братьев» также является синтез принципов двух ведущих литературных направлений XIX века – романтизма и реализма. С романтической литературой произведение Киви сближает, прежде всего, характерное для неё бунтарское начало, ярко проявляющееся не только в уходе братьев из родной усадьбы в глухие леса из-за разочарования в окружающей жизни и людях, но и в яростном обличении братьями духовенства, господ, чиновников и враждебного им окружающего мира, которое лейтмотивом проходит через весь роман и затихает только к его концу. «Весь мир – только здоровенная куча навоза, и больше ничего, – решительно утверждает Юхани. – К чёрту всех канторов, и пасторов, к чёрту все книжки и школы, и ленсманов с бумагами туда же! Все они наши мучители» [3, с. 52]. Герои романа Киви нередко зло потешаются над господами, над пьянством священников, над изысканными и утончёнными нравами городских щёголей. С точки зрения братьев, господа – такие же неразумные дети, какими они, герои романа, кажутся окружающим. По мнению братьев, господа живут не настоящей полноценной жизнью, а словно разыгрывают нелепую комедию. «Господа и

впрямь шуты» [3, с. 124], – полагает Туомас, а Тимо добавляет: «И ребячливы, точно младенцы. И едят они с тряпицей под подбородком, а пообедавши, пёс их возьми, даже ложки не умеют облизать. Я собственными глазами видел это и страшно удивился» [3, с. 124–125]. Вслед за Тимо высказывается и Симеони: «Зато надувать и драть семь шкур с крестьянина – это они молодцы» [3, с. 125]. С романтизмом произведение Киви связывают и наполняющие его многочисленные сказочные предания, которые братья рассказывают друг другу и которые в качестве вставных новелл содержатся в главах, повествующих о лесных приключениях героев. Эти предания отличаются романтически возвышенным стилем повествования. В них рассказывается об отважных людях, побеждающих то полчище змей, то злого горного духа.

Не менее явственно, чем принципы романтизма, в романе А. Киви воплощаются и реалистические принципы. Связь «Семерых братьев» с реализмом выражается, прежде всего, в глубоко народном содержании романа, в реалистическом изображении народной жизни, которым проникнуто произведение писателя, в описании характеров героев. Например, в реалистическом ключе выдержано описание земледельческого труда братьев. Обличительные речи братьев, направленные против священников, помещиков и чиновников, также указывают на связь романа А. Киви с литературой критического реализма.

В заключение отметим, что роман А. Киви не был понят современниками. Вскоре после получения подписчиками последнего выпуска «Семерых братьев» известный финский литературный критик Август Алквист (1826–1889) выступил с критической статьёй, в которой расценил произведение Киви как «клевету» на финский народ. Критик резюмировал свои взгляды на роман писателя следующим образом: «Произведение является нелепостью и пятном позора на финской литературе. Оно позорит простой финский люд, при этом автор утверждает, что его персонажи взяты из жизни. Наш народ совсем не такой, каковы герои этой книги. Спокойный и серьёзный народ, возделавший поля Финляндии, не имеет ничего общего с новопоселенцами Импиваара» [6, с. 262]. Разгромный отзыв Алквиста о «Семерых братьях» оказался для Киви губительным. Общество финской литературы,

первоначально собиравшееся выпустить произведение отдельной книгой, было настолько напугано критикой Алквиста, что приняло решение отложить выпуск романа Киви отдельной книгой на 3 года (он вышел в свет уже после смерти писателя – в 1873 г.), а здоровье писателя из-за глубоких душевных переживаний было окончательно подорвано.

В XX веке интерес к выдающемуся роману А. Киви значительно возрос. Так, в 1909 г. крупнейший финский поэт Эйно Лейно (1878–1926) справедливо подчёркивал, что, явившись создателем финской художественной прозы, А. Киви «одним рывком поднимает её на вершину повествовательной литературы как таковой, придаёт ей монументальное, искрящееся гениальностью совершенство, которое и в наши дни остаётся для финского романа недостижимым» [1, с. 300].

Роман «Семеро братьев» сыграл огромную роль в истории финской литературы. Прежде всего, следует подчеркнуть, что «Семеро братьев» представляли собой первый финский роман, написанный на финском, а не на шведском языке. В книге «Сто замечательных финнов» в главе, посвящённой А. Киви, отмечается, что его «наряду с Микаэлем Агриколой² и Элиасом Лённротом³... считают создателем национальной финноязычной литературы» и что «то, как Киви в своих пьесах, стихах и романе “Семеро братьев” изображает Финляндию, её женщин и мужчин, по-прежнему служит основой финского национального идентитета» [6, с. 254], а литературовед Э.Г. Карху по праву называет автора «Семерых братьев» «крупнейшим писателем Финляндии» [1, с. 300], утверждая, что «глубокой народностью своего творчества он заложил тот фундамент, на котором развилась вся последующая финская литература» [1, с. 351].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Карху Э.Г. История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века. – Л.: Наука, 1979. – 510 с.
2. Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М.: Гослитиздат, 1949–1955. – Т. 30: Письма, телеграммы, надписи. – М.: Гослитиздат, 1955. – 819 с.
3. Киви А. Семеро братьев: Роман. – СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2014. – 384 с.

² Микаэль Агрикола (ок. 1510–1557) – глава Реформации в Финляндии, первый переводчик Нового Завета на финский язык (1548), основоположник финского литературного языка.

³ Элиас Лённрот (1802–1884) – крупнейший собиратель карело-финской народной поэзии, собиратель и составитель карело-финского национального эпоса «Калевала».

4. **Сильман Т.** Алексис Киви и его роман // Киви А. Семеро братьев. – М.-Л., 1961. – С. 3–17.
5. **Kinnunen A.** Tuli, aurinko ja seitsemän veljestä: tutkimus Aleksis Kiven romaanista. – Porvoo, Helsinki: WSOY, 1973. – 259 s.
6. **Сихво Х.** Алексис Киви // Сто замечательных финнов / Под ред. Т. Вихавайнена. – Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. – С. 254–264.

KOLESNIKOV Dmitry E. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: writer1984@list.ru.

ARTISTIC ORIGINALITY OF THE NOVEL BY A. KIVI "SEVEN BROTHERS".

The paper analyzes the artistic features of the first Finnish novel novel by A. Kivi "Seven brothers". The paper discusses the way the novel to the reader the attitude of the conservative Finnish literary critics of the XIX century. At the end of the article notes the role of the novel in the history of Finnish literature.

NOVEL; FOLKLORE; FOLKLORE EXAGGERATION; ROMANTICISM; REALISM FINNISH NATIONAL LITERATURE; FINNISH NATIONAL IDENTITY.
